

Первая поездка Ильи Муромца. (Он спасает Чернигов, наказывает коварную девицу, встречает разбойников и укрощает Соловья-разбойника)

А-й не дорого не злато, не цисто серебро:
Когда злато, где-ка серебро минуицьсе,
Дорога́ где любовь — не позабыдицьсэ,
Ише перва-та поездка да богатырьская,
Ише перва-та поездка да Ильи Муромця.
У Илеюшки-то конь-от — да как сокол летит,
А Илья-та на кони как молоцьцём сидит.
Отправлялсэ стары казак Илья Муромець
Он на ту на славу да на великую,
Он на ту похвалу да на предивную,
А ише заповедь-то клал сибѣ великую:
«А-й мне-ка ехать бы дорогою — не подорож[н]ичеть,
Не подорожницеть, ехать, не кроволитьницеть,
Мне-ка Осподу Богу да помолитисе,
Ко святым-де мощам мне-ка приложитисе!»
А-й он ведь заповедь-то клал себе великую
А на тот де-ка на лук, на калену стрелу,
А на ту де-ка на сабельку на вострую,
А на ту де-ка на палоцьку на буёвую,
А на то де-ка копейцѣ да брусоменьцято:
А прикаивал ко стремени ко булатному —
А не откаивать до города до Киева.
А не видели — Илеюшка срежаицсэ,
А не видели старыка — да сподобля[и]цсэ.
А седлал где-ка, уздал тут да коня доброго,
А подстегивал двенаццэтъ да подпруг шолковых,
А тринацтату подпружечку через хребѣт —
А не для-ради басы, да ради крепости:
«Не оставил бы миня конь да во цистом поли,
Не заставил бы миня ходить бродя[го]ю!»

А да поехал-де Илеюшка во цисто полё.
А не видели — Илейка що на коня скочил,
Только видели: Илеюшка в стремяна ступил.
А не видели поезки тут богатырьскою —
Только видели: в поли курева стоит.
А доехал тут до города до Цернигова.
А под тем же под городом под Церниговым
А стоят тут три царя, тут три цяревича,
А стоят три короля, три королевича,
А да стоят тут тотара да всё поганые,
А поганые тотара да всё неруськие.
А во том же во городе во Цернигови
А ворота городовы кругом все запёрты,
А все запёрты ворота да тут заложоны,
А звонят только один да тут плакун-колокол:
Да попы-ти ведь поют в церкви — мешающьсе,
А дьецьки-ти поют тут — заекающьсе,
А мужики-ти во слезах тут да захлёбающьсе.
А говорыл тут ведь Илья да ноньце Муромець:
«А прости ты меня, Господи, в таковой вины!
У мя заповедь-то кладёна великая:
Мне-ка ехать бы дорогою — не подорожницеть;
Да на тот де-ка лук, на калену стрелу,
Да на ту де-ка на сабельку на вострую —
А ише ноньце мне сабля да нужно-надобно!»
А ише брал он ведь саблю да во белы руки,
А обнажил где-ка Илеюшка саблю вострую —
А он ведь сек-рубил тотар да всё поганые,
А прибил-прирубил всю силу неверную.
А он ведь сколько их бил, вдвоё конём топтал —
А он прибил-прирубил всю силу неверную,
А оставил три царя да три неверные,
Ише сам говорыл да таковы слова:
«А уж вы ой, три царя да три неверные!
А да под меч ле вас склонить, у вас голова срубить.
Голова ле срубить — ле вас на волю спустить?..
А да подите-ко вы нонь да по своим местам!
Да Свята-та нонь Русь да не пуста стоит:
А есь на Руси тут да церкви Божьи нонь,

Ише те же поцёсныи манастыри,
Ише есь где-ка сильнии богатыри!»
А вороцьця городовы всё отворилисе:
А выходили мужицьки да всё церниговци
А ише те же как тут да князи-бояра —
А поклонялись тут Ильи да свету Муромцю.
А выносили они тут к ёму подароцьки:
Во первой раз принесли да цяшу серебра,
А во второй раз принесли тут цяшу золота.
А не берёт тут Илья да цяшу серебра,
Не берёт-де Илья тут да цяшу золота:
«А уж вы ой, мужики да всё церниговци!
Не возьму я от вас да цяшу серебра,
Не возьму я от вас да цяшу золота».
Говорят мужики да всё церниговци:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
А-й ты живи-тко у нас в городи атаманом тут,
А ты живи-тко у нас в городи управителём!» —
«А не живу я у вас да нонь атаманом тут,
Не живу я у вас да управителём:
Я поеду, молодець-парень, во цисто полё,
А ко тому же ко городу ко Киеву,
А к тому же ко князю да ко Владимиру,
Мне-ка Осподу Богу нонь помолитисе,
Как святым-де мощам нонь приложитисе!»
А да поехал-де Илеюшка во цисто полё,
А доехал-де до ростанушок до великия.
А на ростанушках лёжал тут да сер-горюць камень,
А на камешки было всё тут подписано:
«А во праву дорожку ехать — да живому не быть,
Живому де-ка не быть, да всё жонатому быть;
А во леву дорожку — да всё богатому быть».
А ише тут-де Илейка думу думает:
«А во котору мне дорожку итти-ехати?
А да поеду я дорожку, где жонатому быть».
А да поехал-де Илеюшка во цисто полё —
А доехал тут Илеюшка нонь до теряма.
А стоит тут ведь нонице высок терем:
А ише города-та нонице поменьше тут,

А села-то ведь терём нонь больше тут.
А приехал-де Илеюшка ко красну крыльцю,
А вязал где-ка коня да к золоту кольцю,
А зашел где-ка Илеюшка во светлу грыню.
А во том же как было да тут во тереми
А сидит где девица, да душа красная,
Говорыла где она ёму таковы слова:
«Проходи-ко-се, удалой ты доброй молодець,
Скиновай-ко, сбавлей ты платья цветного,
А садись-ко, молодець, ты за дубовой стол,
А поешь-ко ты, молодець, хлеба, покушай-ко!»
А шше тут где Илья попил-покушал же.
А говорила-де девица, да душа красная:
«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!
Не угодно ле тебе будёт женитисе
А на мне, на девици-души красное?
А вались-ко, молодець, да на кроватоцьку,
На кроватоцьку вались ты на тисовую,
На перинушку вались ты да на пуховую!»
Говорил где-ка стары казак Илья Муромец:
«Не приводицьсе мне спать да на кроватоцьки,
На перинушки лёжать да на пуховое,
А стары-де казак Илья — одушливой!»
А ише тут-де Илеюшки за беду пришло,
За велику досаду показалосе:
А ухватил тут девицю да всё в охабоцьку,
А бросил он девицю да на кроваточку,
На кроватоцьку бросил да на тисовую,
На перинушку бросил на пуховую.
А перинушка была тут ноньце ложная —
А провалилась она во погреб глубокие.
А ишше тут же Илья да сын Ивановиць
А искал где ходил да золоты ключи,
А отмыкал где Илья да темны подгрёба.
А да у той-де девици, души красное,
А седит-де двенаццэт да добрых молоццов.
А он выпустил нонь их да нонь на белой свет,
А ише сам ведь им да наговаривал:
«Уж вы ой еси, удалы добры молоцци!

А поежжайте-тко как вы по своим домам,
А по своим где домам да по своим местам,
А да не ездите-тко боле во цисто полё
А к той-де девици нонь ко красное!»
Он оставил тут девицю да одну красную,
А заморил он ведь тут да ёю голодом.
А поехал-де Илеюша во цисто полё —
А к тем же к ростанушкам к великием,
А к тому где ко камешку ко серому,
А на камешки тут было да где подписано.
А он розбил-приломал да весь горюць камень!
А да поехал-де Илейка — где богатому быть.
Да стоят мужики — да славны выборьци,
А по-руськи назвать — да злы розбойники:
А хотят старика да бити-грабити,
А хотят старого да испохабити.
Говорил где Илеюшка таковы слова:
«А уж вы ой, мужики-новгороцьцята,
А по-руськи назвать — да злы розбойники!
А пощо хотите стара бити-грабити,
А пощо старого да испохабити?
А уж как бить-то миня вам да ноньце непощо,
А взять у Илейки вам нонь нецего:
Золотой казны у стара да не слуцилосе,
Серебра-та с собой не погодилосе.
Только есь-де у стара да с собой живота:
А да на коницьки уздицька есь тесмянная,
А ише есь у мя луцёк да калена стрела,
А ише есь у мя сабелька тут вострая,
А ише есь у мя палоцька буёвая,
А ише есь у мя копейцё да брусоменьцята».
А приступают мужики да пуще старого,
А по-руськи назвать — да злы розбойники.
А говорил где Илеюшка во второй након:
«А уж ой мужики, да славны выборьци,
А по-руськи назвать — да злы розбойники!
А пощо хотите стара бити-грабити,
А пощо старого да испохабити?
А бить-то меня вам ноньце непощо,

А взять у Илейки да вам нонь нечего:
Золотой казны у стара да не слуцилосе,
Серебра-та с собой не погодилосе.
Только есь-де у стара да с собой живота:
А есь у мян шубоцька енотова,
А ише кажна-та пуговка во льяк лита,
А во льяк лита пуговка цистого серебра,
Циста серебра пуговка, позолоцёна!
А шше в пуговках-то было — по доброму молоцьцю,
А шше в петельках-то было — по красной девушки;
А когда застёгнуцьсе — тогда они обоймуцьсе,
А ростегнуцьсе когда они — поцёлююцьсе!
А стоит эта шубоцька восемьсот рублей.
А есь у мян шапоцька — стоит сотёнки,
А есь кушацёк у мян — петьдесят рублей,
А да перчатоцьки у старого — да ровно дваццать пять,
А по корманам-то казны у мян — цисла-смету нет!»
Говорят мужики-новогороцьцята,
А по-руськи назвать — да злы розбойники:
«А уж ты старой, ты старой, да старой глупой нонь!
А мы у тя, у старого, не спрашивам,
А ты ведь, старой, да всё ведь сказывашь!»
Говорил где Илья да нонь стары казак:
«А уж вы ой, мужики, да славны выборьци,
А по-руськи назвать — да злы розбойники!
А дайте мне-ка, старому, поправицьсе —
А будите вы старому нонь кланицьсе!»
А приступают мужики да пуще старого.
А говорил где Илеюшка во третей након:
«А уж вы ой, мужики-новогороцьцята,
А по-руськи назвать — да злы розбойники!
А пощо хотите стара бить и грабити,
А пощо старого да испохабити?»
А приступают мужики тут пуще старого.
А говорил де-ка Илеюшка таковы слова:
«А прости мян, Господи, в таковой вины!
У мян заповедь кладёна великая
А на тот-де на лук, на калену стрелу —
А шше нонице лук мне нужно-надобно,

Понужне этого надо калена стрела!»
А ише брал где луцёк да во белы руки,
А стрелял где Илья да во сырой во дуб —
А мужики-ти с испугу да нонь попадали.
А лёжали они на поли полтора цяса,
А да ставают тут они да на резвы ноги,
Говорят-де они да таковы слова:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
А бери-тко от нас да злата-серебра,
А бери-тко от нас да платья цветного,
А бери-тко от нас да нонь добрых коней!»
А говорил где стары казак Илья Муромець:
«А уж вы глупы мужики, вовсе неразумные!
Ише брал бы от вас я злато-серебро —
Не прикопать бы мне-ка ямоцёк глубокие!
Ише брал бы от вас я платяё цветноё —
А стояли бы за мной горы высокие!
А ише брал от вас я нонь добрых коней —
А бежали бы за мной ноньце стада коней!
А уж ой, мужики — да злы розбойники!
А отведите мне дорожку да прямоежжую,
А по которою ездят в крашен Киев-град, —
Мне Осподу Богу да помолитисе,
Ко святым-де мощам надо приложитисе!»
Говорят мужики новгороцьцята:
«А путём ехать, дорогой — тут три месеця,
А не путём, не дорогой ехать — три цяса.
А проехать три заставы да три великие:
А перва застава — лесы темные,
А втора-та застава — да грезы черные,
А третья застава — река Смородинка.
А запала ета дорожка, замуравилась,
А лёжит-то напусти да ровно триццэт лет:
А да у той-де реки было, у Смородинки,
А сидел Соловеюшко-розбойницёк —
А не конному, не пешому проходу нет!»
И ише тут-де Илья, да нонь стары казак,
А поехал-де по дорожки прямоежжое.
А он темны лесы рвал, тут грезы мост мостил.

А проехал две заставы, да две великих,
А доехал до реки тут до Смородинки.
А у той-де реки было, у Смородинки,
У ей нет перехода да цясто-узкого,
У ей нет переброду да цясто-мелкого —
А стоял только у рецьки един Калинов мост.
А у того у мостика у Калинова
А да стоял где у мостику большащой дуб.
А на том где было да на сыром дубу
А сидел Сол[ов]еюшко-розбойницёк.
А да поехал тут Илейка да на Калинов мост —
А заревел Соловей да по-звериному,
А зашипел Соловей да по-змеиному,
Засвистел Соловей да по-соловьиному:
А темны-ти леса да к земли приклоняюцьсе,
А с крежов-то земля в воду осыпаицьсе,
Ише мать-та земля да содрягаицьсе,
А у Илеюшки конь-от да на коленьци пал.
А он ведь бил-ломил коня да по крутым ребрам,
И ише сам он к коню да приговарывал:
«Уж ты конь ле мой, конь — да травяной мешок!
Не бывал ле, конь, да во темных лесах?
Не слыхал ле ты рёву да тут зверинога?
А не слыхал ле ты шипу-ту змеинога?
Не слыхал ле ты свиску да соловьиного?..»
Говорил де-ка Илеюшка таковы слова:
«А прости меня, Осподи, в таковой вины!
У мян заповедь кладёна великая:
Мне-ка ехать дорогой — не подорожницеть,
Не подорожницеть, ехать — не кроволитьницеть,
А да на тот-де на лук, на калену стрелу.
А ише нонеце лук да нужно-надобно,
Понужне этого надо калена стрела!»
А брал где луцёк во белы руки,
А натягал где Илья да всё тугой-от лук,
А направлял где Илья да калену стрелу,
А сам ко стрелы стал приговаривать:
«А лети, моя стрелоцька каленая,
А выше лесу лети, да выше темного,

А пониже ты облака ходящего;
А пади, моя стрелоцька каленая,
А не на воду пади, стрела, не на землю,
А не на леса, стрелоцька, не на людей —
А пади Соловеюшку во правой глаз!»
А-й да запела тетивоцька шелковая,
Зашипела-полетела тут калена стрела.
А пала-де стрелоцька не на воду,
А не на воду стрелоцька, не на землю,
А не на леса стрелоцька, не на людей —
А пала Соловеюшку во правой глаз.
А полетел Соловей да с девяти дубов.
А на то где Илеюшка догадлив был —
А брал Соловья да во белы руки,
А прикаивал ко стремени ко булатному:
А он сделал дорожецьку прямоежжую.
А поехал Илеюшка во цисто полё.
А на пути-то как было, на дорожецьки
А у того у Соловья у нонь розбойника.
А стоял на пути тут ведь широкой двор.
А у ёго тут ведь было тут две доцери,
А две доцери, тут было ведь два зетя.
А старша была да очень глупая —
А скрывала окошецька немножецько,
А гледела она да во цисто полё,
Говорила сама да таковы слова:
«А летит где как нонь да наш ведь батюшко,
А везёт мужика, всё деревеньшину!»
А младша была да очень хитрая, —
Погледела в кошевцято окошецько:
«А едёт мужицёк, да деревеньшина,
А ише тащит-везёт нашего батюшка!»
Говорила сама она таковы слова:
«Уж вы ой, мужовья вы наши милые!
А вы рогатины берите да всё железные,
А вы колите мужика, да деревеньшину, —
А отоймите подите нашего батюшка!»
А ише тут мужовья всё не ослушались —
А хватили железные рогатины,

А выбегали они да во цисто полё.
А говорил Соловей да всё розбойник тут:
«Уж вы зетевья мои вы милые!
А не травите вы удалого доброго молодца —
А того де-ка сильнёго богатыря:
А да несите-тко вы да злата-серебра,
Да несите-ко вы да красна золота —
А выкупите меня у добра молодца!»
А говорил где Илья да ноньце Муромець:
«Не возьму я от вас да злата-серебра,
Не возьму я от вас да красна золота —
Повезу я Соловья да в крашон Киев-град!»
А поехал тут Илья да в крашон Киев-град.
А приехал ко городу ко Киеву,
А к тому где ко князю ко Владимиру,
А приставал-де Илья да ко красну крыльцю,
А вязал де-ка коня да к золоту кольцю.
А пошел де-ка Илья да во светлу грыню —
А крест-от кладёт да по-писаному,
А поклон-от ведёт да по-уцёному,
Ише князю Владимиру целом тут бьёт,
А Опраксеи-кнегины тут ведь кланеицьсэ.
А у то́го у князя у Владимира
А было во ту пору, во то время
А собран тут был да нонь поцесьён пир:
А много хресьян да руських бояров,
А тех же купьцей, людей торговых,
А тех же удалых добрых молоццов,
А руських могущих нонь богатырей,
А тех полениць да приудалых.
А говорил где Владимир да стольнё-киевской:
«Уж ты здрастуй-ко, удалой доброй молодець!
А которого ты города, коей земли?
А какого оцца, какой ты матери?
А как тебя, молодець, именём зовут?»
А говорил где Илья да свет тут Муромець:
«А из того я из города из Мурома,
А из того я села да Карачарова.
А я во том-де во городе во Муроме

А я стоял где заутреню воскресеньскую,
А и к обед[е]ньки поспева[л] я в крашен Киев-град —
А моя-та дорожка да призамешкалась».

А говорил где Владимир да стольнѣ-киевской:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
А которой ты дорогой шол, ты ехал тут?»

Говорил где Илья да тут ведь Муромець:
«А ехал дорожкой да прямоежжое,
А процистил дорогу прямоежжую!»

Да у того у князя у Владимира
А много-много сидит да добрых молоццов,
А тех же как руських нонь богатырей —
Они стали над Ильёй да надсмеятеся:
«А уж ты ой, мужицѣк нонь нахвальшина!
А да запала где дорожка, замуравилась,
А да запала она да ровно триццэт лет:
А не конному, не пешому проходу нет.
А много богатырей тут ездило —
А нехто тут назадь да не приежживал:
А сидит тут Соловей да есь розбойницѣк,
А не конному, не пешому проходу нет!»

А говорил где Илья да тут ведь Муромець:
«А послушай-ко, Владимир да стольнѣ-киевьской,
А послушай, Владимир, да що нонь я скажу!
А поди-ко, Владимир, да на красно крыльцо,
А смотри ты Соловья да всё розбойника!»

А на ето Владимир да не-й ослушалса.
Они вышли тут все да на широкой двор,
А смотрят Соловья да всё розбойника,
А велят свистеть да по-соловьиному,
А велят они реветь да по-звериному,
А велят они шипеть да по-змеиному.

А говорил Соловей да тут розбойницѣк:
«А не ваше я ем, не ваше кушаю,
А не вас нонь как я да и послушаю —
А я слушаю удалого добра молоцца,
А да того же Илью да ноньце Муромьця!»

А выходил где Илья да на красно крыльцѣ,
А завертел где-ка в шубу князя Владимира,

А ту-де Опраксею-королевисьню —
А приказал он Соловью да в полсвиска свистеть.
А засвистел Соловеюшка во весь свисток:
А руськи богатыри все тут попадали,
А мужики-ти лёжат тут ведь замёртво!
А князю ета шутка да не пондравилась —
А сказал где-ка тут Ильи нонь Муромьцю:
«А послушай-ко, удалой доброй молодець!
А обери ты Соловья да со двора сдой —
А нам эта шутка боле не надобно!»
А садилсе-де Илья тут на добра коня,
А выежжал где Илья да на цисто полё.
А ише тут Соловья бил да муцил он,
А ише сам к ёму да приговарывал:
«А уж ты много погубил да добрых молоццов,
А уж ты много розорил да молодых жонов,
А сирота<ть>-де спустил да малых детоцёк!»
Он срубил у Соловья да буйну голову,
А изрубил Соловья он на мелки куски,
А розбросал Соловья да по цисту полю.
А ише тут Соловью да нонь славы поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.